

БАШКИРСКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ И ПОЛИЭТНИЧЕСКОЙ СРЕДЫ: ОПЫТ И ПЕРСПЕКТИВЫ

ISBN 978-5-91608-181-7

С. 66-71

https://doi.org/10.31833/conf_ihll2019.013

УДК 398.224(=512.154) УДК: 811.512

¹Т. Н. Боргомякова, ²К. Н. Бурнакова

¹Федеральный институт развития образования РАНХиГС при Президенте РФ
ул. Черняховского, д. 9, стр. 1, Москва, 125319, Россия

E-mail: borgtatyana@rambler.ru

²Московский городской педагогический университет
ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Москва, 119991, Россия

E-mail: klara_burnakova@mail.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ В ТЮРКСКИХ ЯЗЫКАХ НАРОДОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ ¹

Статья посвящена анализу функционально-семантического поля (ФСП) настоящего времени в одном из тюркских языков народов Южной Сибири – хакасском. Наличие достаточно полного описания структурных и семантических особенностей временных форм в большинстве тюркских языков народов Южной Сибири дает возможность проводить сравнительно-сопоставительное исследование с привлечением материалов родственных языков. Такое исследование позволяет по-новому взглянуть на некоторые временные формы и уточнить их структурные особенности и функциональные характеристики. В статье ставятся вопросы: о необходимости более точного определения базового значения каждой конкретной временной формы с целью четкого разграничения временной и видовой характеристики действия; о необходимости учета существования разной степени грамматикализации одних и тех же глагольных сочетаний деепричастного типа. Важность такого подхода обусловлено необходимостью дифференцировать явления омонимии при анализе глагольных аналитических конструкций и образований, не являющихся таковыми.

Ключевые слова: система временных форм, функционально-семантическое поле, грамматикализация, глагольные аналитические конструкции, омонимия, формант.

В тюркских языках народов Южной Сибири все три времени имеют свои специальные формы для выражения действия в настоящем, прошедшем и будущем времени, но первые два – отличаются значительным разнообразием грамматических форм. В зависимости от исходного представления о времени, настоящее время может выражать иногда мгновение, иногда короткий или довольно длительный по протяженности период времени, который разделяет прошедшее и будущее время. Настоящее время отличается от других времен тем, что в нем всегда имеется отрезок времени, включающий момент речи. Вышеуказанные языки обладают примерно одинаковым набором базовых форм для выражения событий в настоящем времени.

---

¹ Работа выполнена в рамках проекта 18.16 «Разработка концептуальных основ двуязычной общеобразовательной деятельности на языках из числа языков народов России», осуществляемого в рамках государственного задания РАНХиГС.

В функционально-семантическом плане для всех формантов объединяющим общим признаком является значение настоящего времени, вторым по значимости является значение вида, а далее формант может иметь ещё одно или более дополнительных значений, которые и определяют его уникальность, обеспечивая тем самым особое место в данной системе. Периферию поля настоящего времени составляют показатели, сочетающие в себе значение настоящего времени и модальности, а также – имеющие ограниченное употребление, связанное с диалектным происхождением, либо стилистическими особенностями данной формы. В количественном отношении ФСП настоящего времени наиболее полно представлено в хакасском и тувинском языках. Количественные расхождения по языкам бывает связано с набором синтезированных форм в конкретном языке, но стабильным остаются аналитические форманты с бытийными глаголами. В этом плане заслуживает внимания такое явление, как выбор аналитического форманта в качестве основного средства выражения собственно временного значения. Обычно один из аналитических формантов становится доминантой и находится в центре – в поле настоящего времени, а остальные три бытийных глагола образуют видовременные формы с разными семантическими дополнениями. Как правило, именно эти дополнительные компоненты в его семантической структуре определяют их место в данной системе. Однако нередко вспомогательный глагол, послуживший для образования доминанты ФСП настоящего времени, образует и аналитический формант с собственно видовым значением, лишенным иных смысловых оттенков. Для хакасского и шорского языков таким глаголом, прошедшим полностью процесс грамматикализации, стал вспомогательный глагол *чат-* ‘лежать’. В современном хакасском и шорском языках на его базе сосуществуют как временная форма на *-ча/-пча*, так и аналитический формант с видовым значением *-п чат*. В тувинском и тофском языках, а также в кызыльском диалекте хакасского языка такое место в поле настоящего времени занимает вспомогательный глагол *тур-* ‘стоять’, который не подвергся процессам синтеза и остается аналитическим формантом [Исхаков, 1961; Грамматика, 1975; Рассадин, 1978; Щербак, 1981; Чиспияков, 1992; Боргоякова, 2002; Тазранова, 2005; Шамина, 2010; Ооржак, 2014 и др.].

Хакасский язык обладает довольно большим количеством форм, выражающих значение настоящего времени, куда входят настоящее время на *-ча*, настоящее время на *-чадыр*, настоящее обычное на *-адыр*, настоящее время на *-ир*, формы с бытийными глаголами: *-п одыр*, *-п тур* и *-п чёр*. [Грамматика, 1975, 200-207; Широбокова, 2005, 204-234]. Д. М. Насилов, обращая внимание на многообразие форм в каждой из временных плоскостей, подчеркивал, что их функционирование в языке «определяется целым рядом факторов, в том числе, кроме временных, модальными и видовыми». Далее он отмечал, что связь категории времени с категорией вида вызывает трудности в «определении основного грамматического значения формы и в разграничении второстепенных и побочных» [Насилов, 1963, 4-5]. Данное утверждение до сих пор остается актуальным для определения основного грамматического значения временных форм в целом во всех тюркских языках Южной Сибири и в частности – хакасском. На примере хакасских форм всё множество временных показателей в поле настоящего времени можно распределить по группам со значением: собственно временным; видовременным; модально-временным. Такое подразделение языковых средств выражения настоящего времени необходимо для определения их места и роли не только в ФСП настоящего времени, но и в целом системе языка. В хакасском языке в центре поля находится форма на *-ча*, выражающая собственно временное значение, и она же является носителем базового значения настоящего времени. Далее располагаются формы, сочетающие в себе значение настоящего времени и вида: *-ир*, *-п одыр*, *-п тур*, *-п чёр*. На периферии поля оказываются формы, сочетающие в себе значение времени и модальности *-чадыр* и *-адыр*. Из представленного здесь перечня видно, что ФСП настоящего времени представлено глагольными формами, образованными путем прибавления к основам глаголов показателей времени, ср. примеры: *пар-* ‘иди’, *пар-ча* ‘идет’. В тюркологии такие формы принято называть синтетическими. Они, в свою очередь, противостоят «сложным – аналитическим формам, которые являются сочетанием полнозначных слов со словами, частично или полностью лишенными лексического значения и выражающими исключительно грамматические значения» [Насилов, 1963, 4-5]. Примеры:

кил-че 'идёт (сюда)', *килпн одыр* 'идёт (сюда)', первая форма (-*ча*) не дифференцирована относительно момента речи, является неопределенной по своему значению; вторая форма (-*п одыр*) выражает протяженность действия в момент речи, эвиденциальность, направленность действия в сторону говорящего лица. Общим для этих форм является «выражение значения настоящего времени», отличие заключается в противопоставленности значения неопределенности настоящего времени, выраженного формой на -*ча*, узко специализированному значению формы на -*п одыр*.

Представляющая центр ФСП настоящего времени форма на -*ча* с сингармоническими вариантами (-*че*, -*пча/-пче*) образовалась на базе деепричастной аналитической конструкции -*п чат* (<*чат* 'лежать'). Эта аналитическая конструкция, пройдя полный процесс грамматикализации, послужила базой для образования временной формы -*ча* (-*че*, -*пча/-пче*), которая в настоящее время достигла максимальной степени абстракции и воспринимается в качестве аффикса настоящего времени: *пар-ча* 'идёт (туда)', *кил-че* 'идёт (сюда)', *чоохта-пча* 'рассказывает'. Структурно и функционально этот аффикс противопоставляется аналитическому форманту -*п чат*, который возник тоже на базе деепричастной аналитической конструкции -*п чат* и является главным средством выражения аспектуального значения длительности в хакасском языке.

Форма настоящего времени на -*ча* имеет широкое распространение в литературном хакасском языке, во всех его диалектах, кроме кызыльского. В кызыльском диалекте ей противостоит аналитический формант -*п тур*. Этот показатель времени сближает кызыльский диалект с тувинским [Исхаков, 1961], тофским [Рассадин, 1978] и чулымско-тюркским [Бирюкович, 1980] языками.

Форма на -*чадыр/-чедір* в структурном плане является производной от настоящего времени на -*ча*, в семантическом плане отличается от неё наличием утвердительной модальности, которая возникает благодаря частице -*дыр*, например: 1) *пар=ча* 'идёт' и 2) *пар=ча=дыр* 'идёт'. В первом варианте – констатация факта, во втором – описание действия. Базовое значение формы не меняется, но частица -*дыр* вносит в неё субъективную оценку действия говорящим, подчеркивая, что оно происходит в реальном конкретном времени; информация приобретает описательный характер с оттенком уверенного утверждения, а не простой констатации факта, как это представлено в первом случае. В современном хакасском языке форма на -*ча* практически вытеснила -*чадыр* из употребления. В настоящее время -*чадыр* сохраняется в фольклорных текстах, иногда встречается в художественных произведениях раннего периода, почти не используется современными авторами и в разговорной речи носителей языка. Аналогичные процессы наблюдаются в шорском языке [Дыренкова, 1941; Чиспияков, 1992].

Форма на -*ир* является спецификой хакасского языка, не отмечена она в других тюркских языках народов Южной Сибири, ограничена в сочетаемости. Она употребляется только с двумя глаголами: *пар-* 'иди туда' и *кил-* 'иди сюда'. Эти два глагола относятся к высокочастотным глаголам в качестве самостоятельной лексической единицы, а также в роли вспомогательного глагола. Вследствие этого форма на -*ир* довольно активно используется носителями хакасского языка, наибольшая активность наблюдается в устном общении. Ею выражается наблюдаемое действие в процессе совершения: *Кем кил-ир?* 'Кто идёт?'

Аналитические форманты настоящего времени -*п одыр-*, -*п тур-*, -*п чөр-* представляют собой синкретичные формы, сочетающие в себе значение времени как основного компонента семантической структуры и значения вида – в качестве сопутствующего. Функционально каждый из этих формантов обладает ещё одним или более дополнительным значением, определяющее его специфику. Они образуют синонимический ряд, в котором каждый из них занимает свое определенное место, обусловленное разными их свойствами – особенностями семантической структуры, сочетаемостью, сферой употребления и пр. При анализе глагольных категорий очень важно рассматривать эти форманты в системе временных форм и не смешивать их с аналогичными глагольными аналитическими конструкциями, имеющими собственную видовую семантику (-*п тур*, -*п чөр*, -*п чат*, -*п одыр*).

Настоящее время на -*адыр/-едір*. Во всех тюркских языках народов Южной Сибири эту форму принято считать сочетанием слитного деепричастия на -*а* с вспомогательным глаголом

-тур [Сат, 1955; Ооржак, 2014; Рассадин, 1978 и др.]. На наш взгляд, такое представление сложилось в связи с тем, что при его анализе не были в должной мере учтены функционально-семантические характеристики этой формы, наличие в нем – вневременного значения. Тем более, что в аффиксе на *-адыр* четко выделяется временная форма на *-ар* и частица *-дыр*.

Существуют две аргументации для данного утверждения. Первая причина, которая вызывает сомнение о деепричастном происхождении компонента *-а*, является отрицательная форма для настоящего времени *-а чоыыл* (<*-ар чоыыл*), например: *пара- чоыыл / парар чоыыл*. Вторая причина заключается в функционально-семантических особенностях формы на *-адыр*. Базовое значение этой формы больше тяготеет к вневременному значению, в котором повторяемость действия правильнее было бы интерпретировать как периодичность, порядок вещей, закономерность в широком настоящем. Важно также дифференцировать базовое значение от частных значений, которые обусловлены конкретной ситуацией. В этом случае форма на *-адыр*, как и любая другая временная форма, может сочетаться со специальными показателями, выражающими аспектуальность или акциональность, а также описывать действия, совпадающие с моментом речи. Известно, что в тюркологии в системе глагольных времен отмечается, что «форма на *-r*, может выражать три граммы: 1) настоящее неотносительное, 2) будущее неотносительное, 3) настоящее в будущем» [Сравнительно-историческая, 1988, 404]. По мнению Э.А. Груниной памятники древнетюркской письменности отразили такое состояние индикатива, в котором настоящее-будущее на *-(^o)r* «выступало со значениями настоящего актуального, настоящего общего (в том числе и со значениями действия, не локализованного во времени) и будущего (потенциального и будущего намерения)» [Грунина, 1976, 94]. В связи с этим, интересно отметить, что для хакасского языка наличие частицы *-дыр* является дифференциальным признаком для настоящего времени (*-ар-дыр*).

Очевидно, что в хакасском языке с помощью частиц произошла более четкая дифференциация уже имевших место в тюркологии трех грамм: настоящего общего, будущего потенциального и будущего намерения. Частица *-дыр* может употребляться и с формой настоящего неопределенного времени на *-ча/-че/*, *-пча/-пче*, базовым значением которой является настоящее неопределенное время. В результате этого сочетания образуется модифицированная форма *-чадыр/-чедір*, *-пчадыр/-пчедір*, которая сохраняет четко выраженный оттенок утвердительной модальности благодаря частице *-дыр*. Сравним примеры с частицей и без неё: 1) *пар-ча 'идёт'* и 2) *пар-ча-дыр 'идёт'*. Эти фразы имеют отличия функционального характера, которые семантически вполне уловимы. В первом примере – простая констатация факта, нет специально выраженного показателя, связывающего действие с моментом речи. Во втором примере – описание действия, несмотря на то, что базовое значение формы на *-ча* не меняется, но частица *-дыр* вносит в неё субъективную оценку действия говорящим, подчеркивая, что оно происходит в реальном конкретном времени и ситуации, усиливая значение временной локализации действия. Соответственно, информация становится определенной, связанной с конкретной ситуацией, а форма настоящего неопределенного времени с частицей *-чадыр* приобретает описательный характер с оттенком уверенного утверждения. Для носителей языка эта разница оказалось настолько незначительной, что в современном хакасском языке форма на *-ча* практически вытеснила *-чадыр* из употребления, но сохраняется в диалектах. Форма *-чадыр* широко используется в фольклорных текстах, иногда встречается в художественных произведениях раннего периода и почти не используется современными авторами.

Частица *-дыр* также может сочетаться с формой прошедшего неопределенного времени на *-иан*. Это довольно редкое сочетание, имеющее ограниченную сферу употребления. Оно встречается почти исключительно в диалогах, чаще в вопросительных предложениях, например: *Оолиы хайди полиандыр?* 'Что (же) с сыном=его случилось?' Во фразах такого рода присутствует оттенок субъективной модальности неодобрения, если присутствует аффикс на *-иан*, представляя собой причастие прошедшего времени, принимает аффикс принадлежности второго лица в сочетании с частицей *-дыр*, например: *Анзы чи хайди полианыудыр?* 'А это что за поведение=твое?'

Анализ функционально-семантических же особенностей этой формы показал, что в хакасском языке существуют две омонимичные формы на *-ар* с семантикой: 1) широкого

настоящего времени; 2) будущего времени. При этом на базе будущего времени развилась форма сослагательного наклонения на *-архых/-ерхик* с отрицательной формой *-бас-чых/-бес-чик*. И как следствие в системе наклонений существуют три формы: а) форма широкого настоящего времени на *-адыр*; б) форма будущего времени на *-ар*; в) форма сослагательного наклонения *-арчых*. В этой связи утвердительная частица *-дыр* является обязательной для формы настоящего времени, поскольку она представляет собой специальное средство, служащее для противопоставления двум другим формам (*-ар* и *-архых*).

Таким образом, форма на *-ча* употребляется для обозначения обычных, регулярно повторяющихся действий, не соотношенных с моментом речи, или действий, относящихся к настоящему времени в широком смысле слова. Согласно статистике именно эта форма, обладая обобщенным значением настоящего времени, чаще других форм вступают в сочетание со средствами выражения модальности или аспектуальности. Все остальные временные формы изначально сочетают в себе временное значение с видовым, модальным или иным значением. Форма на *-ча* противопоставлена всем остальным формам ФСП настоящего времени по структурной простоте, неограниченностью семантической и функциональной характеристике, что позволяет ей выполнять роль доминанты в данном временном пространстве.

Относительно формы на *-адыр* можно отметить, что занимая одно из значимых позиций в ФСП настоящего времени, она крайне редко употребляется в устной речи носителей сагайского диалекта и в произведениях писателей, имеющих сагайские корни. В этой связи, форму на *-адыр* следует отнести к средствам, имеющим тенденцию ограниченного употребления по диалектному признаку. В то же время это довольно широко распространенная в других южносибирских тюркских языках форма нуждается в серьезном специальном исследовании с учетом вышеизложенной точки зрения на её структурные особенности. В этом плане особый интерес представляет исследование по чулымско-тюркскому языку Р.М. Бирюкович. В своей статье, посвященной структуре и семантике форм настоящего времени индикатива чулымско-тюркского языка, она приводит парадигму спряжения глагола *ал-*, форму настоящего времени на *-ады* в отрицательной форме которого сохраняется показатель *-р*, например: *алар чоқмән* (ср. с хак. *ал- /алар- чоиылбын*) [Бирюкович, 1980, 33].

Литература

- Бирюкович Р. М. Структура и семантика форм настоящего времени индикатива чулымско-тюркского языка / Языки народов Сибири. Кемерово: КГУ, 1980, – с. 31-43.
- Боргоякова Т. Н. Способы выражения временных отношений между двумя событиями. М.: Изд. РУДН, 2002. – 173 с.
- Грамматика хакасского языка. М.: Наука, 1975. – 418 с.
- Грунина Э. А. О форме настоящего-будущего на –⁰г в тюркских языках / Тюркологические исследования. М.: Наука, 1976. – С. 94-111.
- Дыренкова Н. П. Грамматика шорского языка. М.-Л.: Изд. АН СССР, 1941. 307 с.
- Исхаков Ф. Г., Пальмбаха А. А. Грамматика тувинского языка. М.: Изд. вост. лит., 1961. 472 с.
- Насилов Д. М. Структура времен индикатива в древнеуйгурском языке (по памятникам уйгурского письма): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Москва, 1963. – 21 с.
- Ооржак Б. Ч. Временная система тувинского языка. М.: Языки славянской культуры, 2014. 184 с.
- Рассадин В. И. Морфология тофаларского языка в сравнительном освещении. М.: Наука, 1978. 287 с.
- Сат Ш.Ч. Тувинский язык. (Краткий очерк) / Тувинско-русский словарь. М., 1955. 723 с.
- Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология. М.: Наука, 1988. 60 с.
- Тазранова А. Р. Бивербальные конструкции со вспомогательными глаголами бытия в алтайском языке. Новосибирск: ИД «Сова», 2005. – 228 с.
- Чиспияков Э. Ф. Учебник шорского языка. Кемерово: Кемеровское книж. изд., 1992. 318 с.
- Шамина Л. А. Аналитические грамматические формы и конструкции в функции сказуемого в тувинском языке. Новосибирск: Любава, 2010. – 239 с.
- Широбокова Н. Н. Отношение якутского языка к тюркским языкам Южной Сибири. Новосибирск: Наука, 2005. 269 с.

¹T. N. Borgoyakova, ²K. N. Burnakova¹

¹*Federal Institute of education development, Russian Presidential Academy of national economy and public administration, Center for national problems of education
Chernyakhovsky str., 9, p. 1, Moscow, 125319, Russia
E-mail: borgatyana@rambler.ru*

²*Moscow State Pedagogical University, Institute of Foreign Languages
M. Pirogovskaya Str., 1/1 Moscow, 119991, Russia
E-mail: klara_burnakova@mail.ru*

FUNCTIONAL-SEMANTIC FIELD OF THE PRESENT TIME IN THE PEOPLES' TURKIC LANGUAGES OF SOUTH SIBERIA

The article is devoted to the analysis of the functional-semantic field (FSP) of the present tense in one of the peoples' Turkic languages of Southern Siberia – Khakass. The presence of a sufficiently complete description of the structural and semantic features of tense forms in the most Turkic languages of Southern Siberia makes it possible to conduct a comparative study involving the materials of related languages. This study allows a new point of view at some temporary forms and clarifies their structural features and functional characteristics. The article raises the following questions: the need for a more precise definition of the basic meaning of each particular temporal form in order to clearly distinguish the temporal and specific characteristics of the action; the need to take into account the existence of different degrees of grammaticalization of the same verbal combinations of the adverbial participial type. The importance of this approach is due to the need to differentiate the phenomena of homonymy in the analysis of verbal analytical constructions and formations that differ from them.

Keywords: the system of tense forms, functional-semantic field, grammaticalization, verbal analytical constructions, homonymy, formant.

References

- Biryukovich R. M. Structure and semantics of the present tense indicative forms of the Chulym-Turkic language / Languages of the peoples of Siberia. Kemerovo: KSU, 1980. P. 31-43.
- Borgoyakova T. N. Ways of expressing temporal relations between two events. M.: Ed. People's friendship University, 2002. 173 p.
- Grammar of the Khakas language. M.: Science, 1975. 418 p.
- Grunina E. A. on the form of present-future on $-(^o)r$ in Turkic languages / Turkic studies. M.: Science, 1976. P. 94-111.
- Dyrenkova N. P. Grammar of the Shor language. M.-L.: Ed. USSR Academy of sciences, 1941. 307 p.
- Iskhakov F. G., Palmbach A. A. Grammar of the Tuvan language. M.: Ed. Eastern. Lit., 1961. 472 p.
- Nasilov D. M. The structure of the indicative tenses in the ancient Uighur language (according to the monuments of Uighur writing). [Text]: Author's abstract of Ph.D. thesis. Moscow, 1963. 21 p.
- Oorzhak B. C. the Temporal system of the Tuvan language. M.: Languages of Slavic culture, 2014. 184 p.
- Rassadin V. I. Morphology of the Tofalar language in comparative coverage. Moscow: Science, 1978. 287 p.
- Sat Sh. Ch. Tuvan language. (Short essay) // Tuvan-Russian dictionary. M.: State publishing house of foreign and national dictionaries. 1955. P. 615-723.
- Comparative-historical grammar of Turkic languages. Morphology. M.: Science, 1988. 560 p.
- Tazranova A. R. Biverbal constructions with an auxiliary verb *being* in the Altai language. Novosibirsk: Publishing house "Owl", 2005. 228 p.
- Chispiyakov E. F. Textbook of the Shor language. Kemerovo: Kemerovo book publishing house, 1992. 318 p.
- Shamina L. A. Analytical grammatical forms and constructions in the predicate function in the Tuvan language. Novosibirsk: Lyubava, 2010. – 239 p.
- Shirobokova N. N. The Relation of the Yakut language to the Turkic languages of Southern Siberia. Novosibirsk: Science, 2005. 269 p.
- Shcherbak A. M. Essays on comparative morphology of Turkic languages. Verb. L.: Science LD, 1981. 183 p.